

Испытал жену

Две деревни по сторонам — Ухта и Тавда́, по обе стороны реки в Каргопольск<ом> уезде. В дер<евне> Тавде крестьянин был исправной. Семья у него была — старуха да сын. Сын молодой, мальчик. Он стал учить в училище этого сына, семь годов уже кряду. Выучился хорошо, лето вступил в венчены годы (*семнадцать — восемнадцать лет*). Ну вот, говорит:

— Я пойду хозяина искать, деньги добывать.

Старик ска:

— Поеждяй ищи.

Он поехал. Нашел богатого хозяина, контору богатую. Его Ваней звали, сына-то. В конторе конторщик и говорит:

— Мне-ка подмога надо, пусь ко мне идёт помощником конторщика.

Хоз<яин> гов<орит>:

— Годится. Ну вот, теперь поежжай домой, я пришлю письмо немедленно. На тыи строки поеждяй.

Домой приехал:

— Папа, я место нашел, письма буду ждать. Скоро-тихо напишот.

Нидельки две письма нет. Вот этот отец да мать говорит:

— Ваня, надо женить тебя? Нас двое — что мы без тебя будем робить? Оставишь вместо кухарки хозяйку.

— Гди я, папа, женюсь?

— Да за тебя за одинока, — хрестьяство хорошо, — кажна пойдёт! Ну, вот что, Ваня, есть девушка в Шíлды — Наташа.

— Бедно место, бедна она.

Стар<ик> говорит:

— У нас хватит живота своего. Бедна она, да красива.

Ён согласился жениться, Наташу взять.

Ну вот, ёны свадьбу сделали. Свадьбу сделали, только три ночи жил, — письмо пришло: «Немедленно явиться».

— Вот, Наташа, я съеду, остановлюсь, я тебя прикажу, мало жили.

Она говорит:

— Я приеду, только прикажи.

Он приехал, поступил в контору пособлять. Месяц прожил, конторщик захворал, форась хватил, заболел. Ваня поступил настоящим конторщиком, дело править мог. В конторе прожил месяц, говорит:

— Достать хозяйку.

А слых прошел, что с этого места через месяц долой. «А долой, дак я уеду домой».

Хозяин говорит:

— Ваня, я тебя лажу повышать, старшим класть прикащиком.

Ваня:

— То и дай Бог. Я ведь иду.

Вот прикащиком произвёл его и дальше отослал. Ну вот, он прослужил там годиков пять не на одном месте, не в одной конторы. Не пишот домой. «Куда я жену молодую возьму?» Прикащиком старшим прослужил пять годов. Хозяин был богатой. Потом хозяин говорит:

— Ваня, я тебя кладу объездным, по конторам деньги развозить.

Вот уж годов <пятнадцать> проходит. Был молодой, усков не было, через <пятнадцать> л<ет> он забородател: стали усы, борода, всё. Жалованье ему угромно пошло. Домой никакого письма не пишот. Дома почитают — покойной. Ну, и ён не знат, где оне, своих никого нету. Вот по конторам. В первую контору приехал, денег привёз тыщу и полторы. Приехал в конторы, конторщиков и прикащиков много, говорят:

— Вот получил письмо — баба загулявши.

Вот в другую контору приехал, говорят:

— Получил письмо — баба с любовником уехала.

В<треть>ю контору приехал — тожо про это говорят. Он всё молчит. Вот он тут и раздумался своей головой: «Что жо я? <Три> дня жил со своей молодой, баба красавица, одёжа хороша, справил. Что жо у меня? Что-нибудь да есть? У меня что-нибудь есть: если не ушла совсем, да любовника держит». Затосну́л по дому. Мысль пала, что —«уеду». Последни конторы выдал, письмо написал, что «уеждяю домой, у меня несчастье», чтобы хозяин не заругал. Далёко, на переменных конях и ехал.

Приехал во свой дом вечером. Ворота пóлы были. Здраствуется.

— Нельзя ли, хозяин, ночевать?

Не узнали никто трое: обородател, одёжа не такая, чужой человек. Жена приделася в хорóшо платьё.

— Нельзя ли, дедушко, самоварчиком попользоваться?

— Сейчас, сейчас, у нас приежжающие постоянно ездят.

Самовар согрели, кверху здынули на кухню. Отца чаем почаствовал.
Хозяин:

— Нет, мы сейчас пили.

Ну вот, знашь, отпил чай, еичок Наташа поднела. Вот поужинал.

— Постельку мне на кухне.

— Да что ты, в другую половину иди.

— Нет, я здесь, наготовьте мне на кухне.

Охота ему свою бабу узнать. «Как бы узнать?» Баба красивая.

— Вот, — говорит, — мни-ки этта, а вы гди?

— А я там, в спальне.

— Ложитесь, я вас не беспокою.

Ну вот, старик да старуха — тьи внизу сидят. Он всё не скажется. Ну, погасили огонь, он не спит. Там внизу призаснули, так часик, поболе. Ну,

вот, выстал, свечку зажег и к ей в спальню пришел. Она на кровати спит. Она одевается. Он:

— Ничего, ничего, не одевайся, я ничего, только поговорю с тобой.

Ну, стал спрашивать:

— Когда муж у тебя уехал?

— Только трои сутки жила с мужем, не видала больше, ни письма, ничего нет.

— Приезжающие часто проезжают?

— Часто.

— Ночуют?

— Ночуют хорошие люди.

— Никогда не случилось такого человека к тебе к спальню идти?

— Нет, этого не допускаю.

— А что, я ведь влюбился в тебя, — со мной не проспишь ночку?

— Нет, ни Боже мой.

— Вот я тебе <сто> рублей дам.

Бумажник вынул на стол, <сто> р<ублей> выкинул:

— Бери.

— Нет, — говорит, — не соглашуся.

— Возьми <триста> рублей.

— Нет, не возьму, приеде муж, узнае, дак знашь что буде.

Ваня подумал: «Денег хозяйских много».

— На <пятьсот> рублей.

Жена замолчала, подумала. Он говорит:

— Убери в сундук, заложи, утром не попрошу.

Она подумала и стала деньги убирать, только руки задрожали.

— Клади, клади в сундук.

Она в сундук положила. Ну вот, ночь и переспали оны. Спрашивает:

— Такие случаи бывали ли?

— Ни Боже мой.

У его сердце на месте: «Всё позала́дь вышло, всё-даки правильно жила». А всё не скажутся. «С утра скажусь». Утро подходит, со спальни долой, перешел на свою постельку на кухню. Там ей побудили, пристукнули против ее комнаты:

— Ставай, надо самовар грить.

Она немного и спала. Ну вот, она и ушла вниз, там выставши мать да отец.

— Приготовьте чаю, ехать надо с утра.

Согрели самовар.

— Подними на кухню, пусть пьёт.

Она поднела, вниз опустилася.

— Надо, Наташа, нам скотина поить.

Старик приходит кверху.

— Садись, батюшко, чай пить.

Чемоданчик раскрыл, всяких закусок наклал.

— Какой батюшко?

— Я сын ваш.

— Что ты?!!

— Я Ваня ваш.

Старик стал признаваться.

— Позовите мою жену и мамашу.

Старик вниз:

— Старуха, ведь он не какой, а наш сын, Ваня.

— Да что ты?!

— Ступай вверх чай пить.

Мать прибежала:

— Неужо́ль ты Ваня, сын наш?!

— Я Ваня, давай посадитесь чай пить.

Старуха опять вниз:

— Наташа, ступай, Ваня зовёт чай пить!

Она схудоумилась, невесела стала. «Ну что я сделала, согласилась с им! Подумает, что я так со всем». Ей худо стало. Она ответила:

— Заходите, я приду потом чай пить.

Сели за стол, чаю налили. Он заграничкой водки. Он выпил, старуха выпила, разговаривают. Ну, вот ён и говорит:

— Что жо жоны нет?

— А она хотела корму дать, говорит — «приду».

Прибежала вниз, зовет: «Наташа!» Ей в избы нету. Старуха на двор и побежала.

— Наташа!

Не слышать по дворам. Крикнула:

— Наташа!

Не слышать. Вскочила на конюшны, а она — в виселице. Вот она оттуля вверх:

— Ванюша! Старик! У нас несчастье.

— Какое?

— Наташа в петле.

Они перестали вино пить, бросились, сняли с петли:

— Покойна! Души нет.

Принесли в избу, за батькой съездили. Батько приехал, она покойна.

— Что я буду причащать?

— На, батько, <двести> р<ублей> денег, подпиши, что причастил.

Приехал домой и говорит:

— Ваня приехал, — она при смерти.

Ну вот, что делать, надо хоронить. Гробы делали, окрашивали, — трои сутки, хоронить приехали. Похороны делал богатые, всего было.

Похоронили, закопали. Поп зовёт его:

— По стакану кофию.

— Можно.

Попу и рассказал, как дело было. Поп:

— Грехи всё твои, а она чиста.

(Зап. 4 июля 1928 г. от Т. Н. Павшуковой, 35 л., на Шокшозере Лодейнопольского округа Олонецкой губ.)

Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова. М.: Ладомир, 1996.